

Те слова запоминались с первого раза, те истины — с первого объяснения.

Иногда Лин Лин говорил о чём-то слишком сложном, и мальчик, не понимая, склонял голову набок и спрашивал:

— Лин-гэгэ, а что это значит?

Глаза у него при этом блестели, в них читалось искреннее любопытство и старание.

Лин Лин, глядя на него, чувствовал странное ощущение.

Словно... удовлетворение.

Он не мог объяснить.

Когда Юаньэр писал иероглифы, Лин Лин стоял рядом и смотрел. Изредка поправлял, как тот держит кисть, иногда — порядок черт.

Каллиграфией Лин Лин занимался ещё в университете. Тогда один профессор, любивший каллиграфию, вёл факультатив, и Лин Лин, от нечего делать, пошёл послушать. Не ожидал, что увлечение продлится четыре года. Позже профессор говорил, что его иероглифы имеют характер, будто он занимался много лет.

Теперь эти иероглифы, черта за чертой, ложились на бумагу и попадали в глаза Юаньэру.

Юаньэр иногда подолгу смотрел на написанное, а затем поднимал голову:

— Лин-гэгэ, у тебя очень красивые иероглифы.

Лин Лин не отвечал, а просто брал его маленькую руку и поправлял, заставляя продолжать упражнение.

Дни шли за днями, и Юаньэр постепенно набрал вес.

Не одутловатый, а по-настоящему посвежевший. На щеках появилась плоть, он больше не походил на тот скелет, обтянутый кожей, каким был в первый день. Кожа по-прежнему оставалась светлой, но уже не болезненно-бледной, а нежной, с лёгким розовым отливом.

Лин Лин каждый день придумывал, чем его накормить. Рис — белый рис, мука — тонкая мука, иногда удавалось раздобыть немного мяса, которое он мелко рубил и варил в каше. Сам он ел мало, большую часть оставлял Юаньэру.

Юаньэр каждый раз тянул его есть вместе. Если Лин Лин отказывался, Юаньэр начинал есть очень медленно, глоток за глотком, словно ждал его.

Позже Лин Лин заметил это и стал есть вместе с ним — совсем немного. Но стоило Юаньэру увидеть, что Лин Лин взял палочки, он сразу радовался и начинал есть гораздо быстрее.

Погода постепенно холодала.

Однажды вечером Лин Лин нагрел воды, чтобы помыть Юаньэра.

В холодном дворце не было купальни, только большой деревянный таз, который он нашёл несколько дней назад в кладовой. Отмыл его — кое-как сгодился.

Он налил горячей воды, разбавил холодной, попробовал рукой температуру.

— Иди сюда, — поманил он Юаньэра.

Юаньэр стоял рядом, глядя на тёплую воду в тазу, и слегка растерялся.

— Чего застыл? Иди сюда.

Юаньэр протянул «О» и медленно снял верхнюю одежду.

Новое платье, которое было на нём, уже немного испачкалось. Он раздевался медленно, слой за слоем, и наконец остался в чистом нижнем белье.

Лин Лин терпеливо ждал рядом.

Когда Юаньэр приготовился, Лин Лин указал ему на край таза.

— Садись, не простудись.

Юаньэр послушно сел. Горячая вода доходила до пояса, и он с облегчением вздохнул.

Лин Лин взял чистую ткань, смочил в тёплой воде и аккуратно начал вытирать ему спину.

Спинка была маленькой, позвонки чуть выступали — вид у неё был трогательный. Он двигался медленно, сверху вниз, старательно смывая с него всю усталость.

Юаньэр сидел смирно, не шевелясь.

Вытерев спину, Лин Лин велел ему повернуться.

Юаньэр повернулся и поднял лицо.

Лицо покраснелось от пара, глаза были влажными, на ресницах дрожали мелкие капельки, словно роса на крыльях бабочки.

Взгляд Лин Лина задержался на его лице, затем он продолжил вытирать руки и плечи.

Когда он дотронулся до бока, Юаньэр вдруг захихикал.

— Щекотно... — он съёжился.

Лин Лин, вздохнув, ослабил нажим. Юаньэр закусил губу, терпя, а глаза его превратились в маленькие полумесяцы.

Когда почти всё было вытерто, Лин Лин зачерпнул тёплой воды и осторожно полил Юаньэру на плечи, смывая мыло.

— Всё, выходи, не замёрзни.

Юаньэр перешагнул через край таза и встал на пол. Лин Лин взял сухое полотенце, тщательно вытер его, затем принёс чистое мягкое бельё и помог надеть.

Когда завязывал тесёмки, он старательно расправил воротник, чтобы холодный ветер не задувал.

Юаньэр поднял голову и, сияя глазами, спросил:

— Лин-гэгэ, я пахну хорошо?

Лин Лин посмотрел на него.

Ребёнок был в чистом белье, волосы ещё влажные, мягко прилипали к щекам. Лицо разругалось, брови и глаза изогнулись дугой — он был похож на котёнка, который ждёт похвалы.

Лин Лин слегка улыбнулся:

— Пахнешь.

Юаньэр тут же расплылся в улыбке, брови и глаза изогнулись ещё сильнее.

Лин Лин развернулся и принялся убирать таз: вылил воду, сполоснул, поставил на место.

Когда он вернулся в боковой зал, Юаньэр уже послушно забрался под одеяло, выставив наружу только голову и хлопая глазами.

— Лин-гэгэ, ты тоже ложись скорее.

Лин Лин хмыкнул, взял другой таз с горячей водой, быстро обмылся в углу, переоделся в чистое и вернулся к кровати.

Юаньэр тут же подвинулся внутрь, освобождая ему место.

Лин Лин лёг.

Юаньэр осторожно придвинулся, приник к нему маленьким тельцем, тихо прижавшись щекой к его руке, и сжал в кулачке край его одежды.

— Лин-гэгэ.

— Мм.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Вскоре рядом слышалось лёгкое, ровное дыхание.

Ребёнок уснул.

Лин Лин лежал на спине, глядя в чёрный потолок.

Что-то действительно изменилось.

Глава 20. Полгода

Так и текла жизнь.

Никто не беспокоил, никто не ссорился, в холодном дворце было тихо, как в раю.

Тот праздничный банкет был как камень, брошенный в озеро: поднял несколько кругов ряби, а потом всё стихло.

Император не вызывал Юаньэра. Императрица не приходила. Принцы и принцессы тоже не удосужились взглянуть на внезапно объявившегося седьмого брата.

Холодный дворец оставался холодным дворцом, но всё стало по-другому.

Потому что рядом был Лин Лин.

Полгода — не много, не мало.

Юаньэр стал на год старше.

Он немного подрос, но лицо оставалось детским. На щеках появилась полнота, он больше не был похож на того жалкого скелета, каким был полгода назад. Кожа — белая с розовым отливом, глаза большие и круглые, уголки глаз от природы слегка красноватые, когда он улыбался, они превращались в полумесяцы — так и хотелось ущипнуть.

Лин Лин иногда смотрел на него и задумывался. Почему этот ребёнок становится всё красивее?

Как фарфоровая кукла. Та, что стоит в шкафу и которую жалко трогать.

Юаньэр не знал, о чём тот думает. Он знал только одно: каждый день, открывая глаза, он видит Лин-гэгэ.

За эти полгода он стал почти тенью Лин Лина.

Что бы тот ни делал, Юаньэр следовал за ним, боясь потерять своего Лин-гэгэ.

Когда Лин Лин уходил по делам и Юаньэр не мог пойти с ним, он стоял у ворот холодного дворца и ждал.

Если ждать приходилось долго, он садился на корточки и веточкой рисовал на земле человечков. Один человечек, два человечка — один большой, один маленький, держатся за руки.

Нарисует, взглянет на ворота — ещё не вернулся — и рисует ещё пару.

К тому времени, когда Лин Лин возвращался, земля обычно была уже вся в рисунках.

Когда Лин Лин впервые увидел эти рисунки, он опешил.

— Что это?

Юаньэру стало немного неловко, он тихо ответил:

— Ты... и я.

Лин Лин опустил голову, глядя на кривые фигурки, и ничего не сказал.

Потом он больше никогда не спрашивал.

Но каждый раз, возвращаясь, бросал на эти рисунки долгий взгляд.

За эти полгода Юаньэр многому научился.

«Троесловие» выучил наизусть, «Фамилии ста родов» знал все, «Тысячеслов» мог переписать по памяти. Лин Лин учил его и простым стихам: «Перед кроватью светит луна», «Весенним сном не заметишь рассвета» — Юаньэр мог их продекламировать.

И иероглифы он писал всё лучше.

Лин Лин учил его старательно: начинал с того, как держать кисть, и объяснял каждую черту. Юаньэр тоже учился прилежно, каждый день упражнялся по два часа, и даже когда рука уставала, не останавливался.

Лин Лин иногда смотрел на эти иероглифы и вспоминал себя в детстве. Тогда его тоже кто-то так учил, черта за чертой, серьёзно.

Теперь учителем стал он сам.

Когда Юаньэр впервые написал целиком «В начале человека природа его добра», он прибежал, держа листок, и глаза его сияли:

— Лин-гэгэ, смотри!

Лин Лин опустил взгляд на иероглифы.

Честно говоря, они всё ещё были кривыми и далекими от красоты. Но по сравнению с кровавым письмом полугодовой давности — огромный прогресс.

— Неплохо, — сказал он.

Юаньэр улыбнулся до полумесяцев, аккуратно сложил бумагу и убрал в свою коробочку с сокровищами.

В той коробочке лежал кошелёк, оставленный ему матерью-наложницей, платок, который Лин Лин дал ему в первый раз, половинка конфеты, которую он пожалел съесть, и накопленные за эти дни «неплохо».

Лин Лин знал, что в той коробочке.

Он ничего не говорил, но каждый раз, когда видел, как Юаньэр кладёт туда что-то, у него ёкало сердце.

За эти полгода Юаньэр также узнал, что ему пора идти в школу.

Однажды он вдруг спросил Лин Лина:

— Лин-гэгэ, остальные принцы ходят в школу. Когда я пойду?

Лин Лин как раз шил новую одежду и при этих словах замер.

— Почему ты вдруг спросил?

Юаньэр ответил:

— На днях я слышал, как евнухи, которые приносят вещи, говорили. Они сказали, что старший принц и другие учатся в кабинете Шаншу.

Лин Лин промолчал.

Он, конечно, знал об этом. Принцы должны были начинать учёбу в кабинете Шаншу с шести лет, вместе с детьми из знатных родов, под руководством академиков из Ханьлиньской академии.

По возрасту Юаньэр давно уже должен был туда пойти.

Но никто об этом не заговаривал.

Никто не сказал ему, что пора, никто за ним не пришёл, никто о нём не заботился.

Как и в прошлые годы.

Лин Лин помолчал, потом сказал:

— Скоро.

Юаньэр посмотрел на него, хлопая глазами.

Он не совсем понимал. Он знал только, что если Лин-гэгэ сказал «скоро», значит, скоро.

Он верил Лин-гэгэ.

За эти полгода холодный дворец всё больше становился похож на дом.

Сорняки во дворе выпололи, Лин Лин посадил в углу несколько овощей — зелёных, радующих глаз. На окна наклеили новую бумагу — свет пропускает, а ветер нет. Дверь починили, теперь она закрывалась плотно.

Очаг на кухне переложили заново — стал очень удобным. Кувшин для воды сменили на новый, который Лин Лин раздобыл где-то снаружи: не большой и не маленький, как раз на двоих.

Проломанную кровать в главном зале Лин Лин чинил не раз, и теперь она стояла надёжно. На кровати — новое постельное бельё, сшитое из той ткани, что входила в паёк, мягкое и тёплое.

На узкой кровати в боковом зале спал сам Лин Лин. Но каждую ночь Юаньэр прибегал с подушкой, забирался к нему под одеяло.

Потом эта узкая кровать почти опустела.

Лин Лин ничего не говорил. Просто перед сном привычно сдвигался в сторону, освобождая место для маленького тельца.

Юаньэр каждый раз крепко прижимался к нему, утыкался лицом в его руку и сжимал в кулачках его одежду, словно боялся, что тот убежит.

Лин Лин иногда думал: что же это такое?

Хозяин — не хозяин, слуга — не слуга.

Но он не произносил этого вслух, потому что сам привык.

Привык каждое утро, открывая глаза, видеть это маленькое лицо. Привык, что когда готовит еду, за ним хвостиком ходит маленький «хвостик». Привык, что по ночам рядом прижимается маленькое тельце.

Этот холодный дворец незаметно перестал быть холодным дворцом.

Он стал домом.

Домом, которого у него никогда не было.

Но Лин Лина тревожило и другое.

Эту мысль он обдумывал полгода, но так и не понял.

После того как он искупал Юаньэра, его тело стало странным.

Реакция возникала не каждый день. Иногда была, иногда нет, без всякой системы. Но это чувство то и дело вылезало наружу, заставляя его нервничать.

Он знал, какими бывают евнухи. В дни, проведённые в комнате оскопления, он видел много таких. У тех людей никогда не было такого чувства всю жизнь.

А у него было.

Что это значило?

Он тайком искал ответы в книгах. В книгах говорилось, что у некоторых евнухов после оскопления «остаётся корень», но это крайне редко. И даже если остаётся, то совсем немного, не может вызывать таких ощущений, как у него.

Он начал внимательно изучать своё тело.

Чем больше изучал, тем больше замечал, что там... словно растёт.

Очень медленно, едва заметно, почти неощутимо. Но он чувствовал это.

Словно что-то сдавливало, ограничивало. Казалось, что могло бы отрасти, но чего-то не хватало, и процесс застопорился.

Чего именно?

Он не знал.

Это становилось всё более тревожным.

Иногда по ночам, когда не мог уснуть, он думал об этом. Думал о своём теле, о тех реакциях, о тех непонятных чувствах.

Что, если... если бы оно могло отрасти?

Он боялся даже думать об этом, но не мог перестать.

Однажды, когда он вышел по делам, издалека увидел нескольких человек, идущих по дворцовой дороге.

Эти люди отличались от обычных евнухов. Шли они очень легкой поступью, почти бесшумно. От них исходила необычная аура, какое-то невыразимое давление.

Рядом стоявшие молодые евнухи перешёптывались:

— Это, наверное, дворцовые мастера высокого уровня?

— А то! Говорят, они в личной охране императора, очень сильные.

— Насколько сильные?

— Говорят, могут летать по крышам и перепрыгивать через стены, одним ударом ладони срубить дерево толщиной в чашку.

Лин Лин стоял рядом, слушал эти разговоры, и сердце его вдруг дрогнуло.

Дворцовые мастера.

Боевые искусства.

Он опустил взгляд на свои руки.

Что могут эти руки? Стирать, готовить, шить, чинить окна. Больше ничего.

А если бы была возможность научиться этому?

Если бы он мог стать сильнее?

Он не знал ответа.

Но знал, что хочет этого.

Не ради чего-то другого, а чтобы лучше защищать этого ребёнка.

Как только эта мысль родилась, её уже было не заглушить.

В тот вечер Юаньэр снова прибежал с подушкой.

Забрался под одеяло, прижался, уткнулся лицом в его руку.

— Лин-гэгэ.

— Мм.

— О чём ты сегодня думал?

Лин Лин опешил.

Этот ребёнок, откуда он всё знает?

— Ни о чём, — сказал он.

Юаньэр поднял лицо и посмотрел на него. Лунный свет лился из окна, глаза его блестели.

— Когда ты вернулся, у тебя были нахмурены брови.

Лин Лин не ответил.

Юаньэр посмотрел на него ещё мгновение, потом снова уткнулся лицом в его руку и глухо сказал:

— Мне не нравится, когда ты хмуришься.

Лин Лин опустил взгляд на макушку, прижатую к его руке.

Через мгновение он протянул руку и погладил эту голову.

Юаньэр пошевелился, как котёнок, которого гладят по шерстке.

— Спи, — сказал Лин Лин.

Юаньэр хмыкнул и закрыл глаза.

Прошло много времени, прежде чем Лин Лин заговорил:

— Юаньэр.

— М? — сонно отозвался тот.

— Если потом... — Лин Лин запнулся, — если я стану сильнее, ты обрадуешься?

Юаньэр, уже в полудрёме, невнятно пробормотал:

— Обрадуюсь... Лин-гэгэ любой — обрадуюсь...

Договорив, он задышал ровно и уснул.

Лин Лин смотрел в чёрный потолок и больше не говорил.

Лунный свет за окном был очень ярким.

Он вдруг подумал, что ответ, кажется, не такой уж и сложный.

Глава 21. Искусство Чистого Ян

Лин Лин начал разузнавать о боевых искусствах.

Он делал это очень осторожно. Холодный дворец был уединённым, на него никто не обращал внимания, но он всё равно не осмеливался рисковать.

Каждый раз, выходя по делам, он между делом задавал несколько вопросов, не больше, не настаивал, спросил — и ушёл.

За месяц он узнал немало.

Дворцовая стража, отвечающая за повседневную безопасность, делилась на три разряда.

Самые сильные — те, кто был личной охраной императора. Говорили, что они достигли стадии «Омовения костного мозга» и могли лишить жизни человека за сотню шагов.

Следующие по рангу отвечали за важные места дворца и обладали силой стадии «Прокладки меридианов».

Самые обычные — те, кто патрулировал, в основном были лишь на начальном этапе стадии «Сгущения ци».

Чтобы изучать боевые искусства, нужен был учитель. Либо вступить под начало этих мастеров, либо с детства обучаться в специальных заведениях. Для таких, как он, начавших с полпути, да ещё евнуха, возможности практически не было.

Но не совсем.

Кто-то сказал ему, что во дворце есть некий командующий Ван, имеющий некоторую известность среди стражников.

В молодости этот человек, говорят, получил благодеяние от кого-то и иногда давал советы младшим. Если повезёт, у него можно было научиться паре приёмов.

Услышав слова «получил благодеяние», Лин Лин насторожился.

Он расспросил подробнее.

Тот человек рассказал, что в молодости командующий Ван был простым стражником, но однажды его оклеветали, и он едва не лишился жизни. За него заступилась некая наложница по фамилии Чэнь, и его спасли. Позже та наложница умерла, а командующий Ван постепенно дослужился до нынешней должности.

Наложница по фамилии Чэнь.

Сердце Лин Лина пропустило удар.

Он вспомнил, что мать Юаньэра была наложницей Чэнь.

Позже, продолжив расспросы, он подтвердил, что та наложница, спасшая командующего Вана, и была матерью Юаньэра.

Лин Лин не подал виду.

Он просто запомнил это имя и продолжил разузнавать о жилье, маршрутах и привычках командующего Вана.

Через месяц, решив, что время пришло, он улучил момент и отправился с визитом к командующему Вану.

Командующий Ван жил далеко от холодного дворца, в восточной части императорского дворца, рядом с казармами стражи. Лин Лин шёл почти час, пока нашёл тот двор.

Двор был небольшой, но содержался в порядке. У ворот стояли двое стражников, которые, увидев Лин Лина, преградили ему путь.

— Кто такой?

Лин Лин назвал себя, сказал, что из холодного дворца, и просит аудиенции у командующего Вана.

Стражник пошёл доложить. Через некоторое время вышел и сказал:

— Заходи.

Лин Лин последовал за ним во двор.

Дверь главного дома была открыта. Внутри сидел мужчина средних лет и пил чай. Он был крупного телосложения, с квадратным лицом, густыми бровями и острым взглядом.

Лин Лин остановился у порога, слегка опустив голову.

— Ваш покорный слуга Лин Лин приветствует командующего Вана.

Командующий Ван поднял на него глаза.

Взгляд скользнул сверху вниз, словно оценивая. Затем он опустил чашку и заговорил:

— Из холодного дворца?

— Да.

— Прислуживаешь седьмому принцу?

— Да.

Командующий Ван помолчал, потом вдруг усмехнулся.

Смех был едва слышным, и невозможно было понять, что он выражает.

— Человек седьмого принца, — сказал он, — зачем ты ко мне пришёл?

Лин Лин, не поднимая головы, ответил почтительно:

— Ваш покорный слуга слышал, что командующий Ван глубоко постиг боевые искусства, и хотел бы просить у командующего наставлений.

Командующий Ван не ответил сразу.

Он снова взял чашку, отпил глоток и медленно произнёс:

— Наставления? Я человек грубый, что я могу наставлять?

Лин Лин молчал.

Командующий Ван посмотрел на него и вдруг спросил:

— А ты знаешь, от кого родился тот господин, которому ты прислуживаешь?

Лин Лин поднял голову и встретил его взгляд.

<http://bllate.org/book/18783/1823136>